

Дети Мадженты

16+

Сергей Капицын

Сергей Вадимович Капицын

Дети Мадженты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64152556

SelfPub; 2021

Аннотация

В XXI веке человечество всё больше и больше зависит от автоматике, особенно в космосе, и это неизбежно. Но возникает парадокс, когда плохие навыки пилотов ведут ко все большей автоматизации, а автоматизация, в свою очередь, еще больше ухудшает эти навыки. Что будет с космонавтом, привыкшим полагаться на автопилот, если во внештатной ситуации автоматика окажется бессильной?

Содержание

Сергей Капицын

Дети Мадженты

Аэрокосмический челнок мчался по низкой орбите, догоняя станцию, которая яркой звёздочкой плыла впереди и выше. В пассажирском салоне двенадцать космических туристов прильнули к иллюминаторам, испытывая в равной степени восхищение и жуть от честно оплаченного зрелища. Но разве сравнится вид из салона с видом из кабины пилотов!

Правое кресло в кабине занимал Витька, пилот-стажёр, и поначалу ему было не до красот. Предстартовая подготовка, взлёт, бросок в стратосферу, разгон до первой космической скорости, выход на орбиту, согласование параметров орбит челнока и МКС-3 – всё это требовало предельной концентрации, и всё равно не прошло без мелких, заметных только опытному взгляду, ошибок. Витька надёргался, наёрзался, взмок – и теперь обсыхал, притулившись к боковому окну и глядя на страшно далёкую отсюда Землю.

Солнце светило в спину, и над нежно-пастельной дымкой отливали перламутром ровные, будто по ним прошлись граблями, гряды облаков. Правее они свивались в спираль тропического циклона, а впереди небо было свободным, чистым, и за линией терминатора угадывались светящиеся россыпи вечерних городов. Ради этого зрелища стоило превозмочь шесть лет курсантской жизни. Осталось налетать пять-

сот часов лётной практики – и штурвал твой. Хотя, какой, к хексу, штурвал... Просто фигура речи, пережиток прошлого, атавизм. Вместо штурвала теперь сайдстик. Да и тот – на крайний случай. Обычно за весь полёт к нему ни разу и не прикасаешься. Знай вводи команды и режимы автопилоту. Хотя, и это тоже работа каторжная, пока не пообвыкнешься.

Ну, да ничего, опыт – дело наживное. Хуже другое: с инструктором Витьке фатально не повезло. Его распределили к Унылому Деду, личности легендарной как в Училище, так и среди лётного состава. Унылый Дед был знаменит тем, что регулярно доводил одного-двух своих стажёров до истерики, сам при этом сохраняя полное спокойствие. Он и Витьке уже успел потрепать нервы в прошлый раз. Нет, формально повод, конечно, был: Витька перед посадкой забыл установить давление на альтиметре¹, и, когда читали чек-лист, автоматически брякнул "установлено", даже не взглянув на прибор. И конечно, на снижении предательски замигала и запищала сигнализация рассогласования высоты в первичной и вторичной системах управления. Витька спохватился и исправил ошибку, но было уже поздно: ему прочитали длинную и нудную лекцию о пользе чек-листов и о недопустимости формального к ним отношения. Ну да, всё правильно, всё это Витька знал и сам, а главное – ну а что страшного случилось-то? Сигнализация сработала? Ну так на то и компьютер,

---

¹ Альтиметр – прибор для измерения высоты. На барометрическом альтиметре для этого должно быть установлено корректное атмосферное давление.

чтобы бдить. Никто ж не умер. З-з-зануда... После его выговоров можно неделю дезинсекцию кабины не проводить. Мухи и тараканы гарантированно сдохнут ещё на вводной части. Вот Ромычу – повезло. Инструктор ему достался молодой, весёлый, с таким хоть в огонь, хоть в воду! Не то что этот...

Витька осторожно покосился влево. Дед сидел, ссутулившись и поджав губы, и листал какую-то книжку. Наверняка очередную инструкцию "Как бы чего не вышло". Строгий, жёлтый, едкий, взгляд из-под косматых седых бровей колючий, цепкий. Почувствовав, что стажёр за ним наблюдает – да что, у него правда глаза на затылке, что ли! – Дед встрепенулся, захлопнул книжку и убрал ее в карман на боковой панели.

– Какое у нас там удаление? Двести двадцать девять? О, пора! Проси.

Витька подобрался, сел ровно, поправил гарнитуру.

– Сильвер, доброе утро! Ромио Юнифом Два Три Элфа Сьерра, орбита пятнадцать, согласована, удаление два два девять... поправка: два два восемь, разрешите подход.

Пауза две секунды – и в наушниках женский голос:

– Два Три Элфа Сьерра, опознаны, подход разрешаю, док номер три. Режим подхода?

– Два Три Элфа Сьерра, подход разрешили, третий док. Режим подхода – автоматический.

– Поправка, – каркнул в наушниках голос Унылого Деда. –

Подход в ручном режиме.

И уже обращаясь к Витьке:

– Третий док – это ж верхний. На автомате долго телепаться будем. Смотри как надо. Мы называем это "кручёный в угол".

Он весь собрался, навис над панелями и застучал по клавишам навигатора, подбирая параметры траектории. Потом сказал: "ну, как-то так", – откинулся и включил громкую связь.

– Уважаемые пассажиры! Мы начинаем манёвр сближения с орбитальной станцией. Просьба пристегнуть ремни и привести спинки ваших кресел в вертикальное положение.

Он бросил взгляд на монитор, на который выводилось изображение из пассажирского салона, убедился, что его распоряжение выполнено, и взялся за управление.

Сориентировав челнок строго носом вперёд, он на некоторое время замер, дожидаясь расчётного момента, а потом плавно, как это умеют только опытные пилоты, дал тягу на маршевый двигатель. Витьку привычно вдавило в кресло. Через несколько секунд тяга стала снижаться, Дед ещё задержал рычаг в положении малого газа, добавляя к скорости какие-то последние копейки, и наконец выключил двигатель.

– А теперь смотри, – он демонстративно убрал руки с управления, достал свою книгу и раскрыл её на коленях.

Витька честно посмотрел. Но они уже уходили на теневую сторону, станция впереди погасла, растворилась на фо-

не чёрного неба. Смотреть было совершенно не на что.

Прошло около получаса. Дед читал книгу, пассажиры в салоне делились первыми космическими впечатлениями, а Витька от скуки заполнял sudoku. И вот наконец слева заалел абрис планеты, Солнце не взошло, а буквально всплыло над горизонтом, наискось прострелив кабину ослепительно-белыми лучами. Дед поморщился, крутнул регулятор, затемнил стёкла со своей стороны.

Витька глянул вперед – и замер. Уже не яркая звёздочка, а сложная конструкция из цилиндров, сфер, ферм и солнечных панелей висела высоко над горизонтом. До неё оставалось километров десять. Станция приближалась, росла на глазах, занимая всё больше места в лобовом стекле. Сначала четвертушку, потом половину, и вот она уже не вмещалась в стекло целиком, нависала над головой, загораживая половину неба. И только в этот момент, задрав голову вверх и провожая взглядом станцию, уходящую над ними назад, Витька вдруг понял, что фокус-то у Деда не удался! Промаяхнул он, промаяхнул, самонадеянный старый сынч! Витька невольно чуть усмехнулся, и это лёгкое мимолётное торжество не укрылось от проклятого Деда.

– Ты ж смотри, смотри, – сказал инструктор и, взявшись за сайдстик, развернул челнок кормой вперед. Нос корабля теперь вновь смотрел на станцию, и стало заметно, что они летели теперь не только вперед, но и вверх. Траектория загиба-

лась всё круче, и вскоре Витька почувствовал себя в лифте, плавно поднимающемся вдоль МКС. Не успели они всплыть над станцией, как она сама собой начала подползать под них. И всё это без единого прикосновения к управлению, без малейшего разгонного или тормозного импульса.

– Вот это и есть "кручёный в угол", – сказал Дед. – Сложная траектория, точный расчёт. Потом научу, лет через пять тоже так сможешь, если будешь тренироваться.

– А зачем? – неожиданно разозлившись на самого себя за неудавшееся злорадство, раздражённо буркнул Витька.

– Что – зачем?

– Ну, зачем мне вот это вот всё? – Витька чувствовал, что закипает, что всё его накопившееся раздражение на этого непонятного Унылого Деда неудержимо, неконтролируемо рвётся наружу. – Зачем мне пять лет разучивать эти трюки под куполом цирка? Я что, похож на акробата? Разве нельзя было подойти по-человечески, в автоматическом режиме?

Дед несколько секунд молча смотрел на него, и за эти бесконечные секунды Витька сто раз успел пожалеть, что сорвался. Не простит ему Дед этого хамства. Загнобит. Теперь точно загнобит.

Но тот только спокойно сказал:

– Конечно, можно было. Но автомат вывел бы тебя в район станции, а потом полчаса ёрзал бы вокруг нее на малой тяге. Тратил бы время и горючее. А мы р-р-раз – и прямо в лузу. Не тратя топливо. Не тратя время. Одним точно рас-

считанным движением.

Он сделал паузу и посмотрел на Витьку поверх очков.

– Пойми, я не против автоматики, – продолжил он. – Автоматика – это здорово. Она быстрее считает, она почти не ошибается, она следит за сотнями параметров одновременно. И лишь в одном она пока что уступает нам: она лишена фантазии. Не пришли ей пока такое качество. Даже экспертные системы, которые управляют нашим кораблём, всегда идут по пути наименьшего сопротивления, по знакомой наезженной дорожке. И любая нестандартная ситуация способна поставить их в тупик. А мы – люди – мы созданы для нестандартных ситуаций и нестандартных решений. В этом вся красота нашего ремесла. И если я могу решить задачу творчески, нетривиально, сэкономить время или топливо, значит я не зря занимаю это кресло. Как-то так.

Витька уже понял, что нарвался на очередную дедову лекцию, и лишь смиренно внимал.

– Знаешь кто такие дети Мадженты²? – спросил Дед.

---

² Калька с английского Children of Magenta. Этот термин впервые использовал в своём докладе капитан American Airlines Уоррен Вандербург (Warren Vanderburgh) в 1997 году. Он заявил, что авиационная индустрия готовит пилотов, слишком зависимых от пурпурных линий на экранах бортовых систем, которые, собственно, и управляют самолетом вместо экипажа. После катастрофы Airbus 330 авиакомпании Air France над Атлантикой в 2009 году американский лётчик и публицист Уильям Ланжевише (William Langewiesche) развил эту мысль, придя к заключению, что «нас засасывает воронка, в которой плохие навыки пилотов ведут ко все большей автоматизации, а автоматизация, в свою очередь, еще больше ухудшает эти навыки».

Витька только помотал головой.

– Полвека назад так называли пилотов, которые привыкли слепо следовать пурпурной линии на экране прибора. Они разучились летать, превратившись в операторов бортовых систем. И когда системы по какой-либо причине отказывали, пилоты не справлялись с управлением и разбивались. Я не дитя Мадженты, я смогу посадить этот корабль, даже если вырубится вся автоматика. А ты? Ты – сможешь?

Витька отвел глаза и промолчал. Дед был прав, но соглашаться с этим старым перестраховщиком не хотелось. За последние пятнадцать лет не было ни одного отказа бортовых систем. Надежность автоматики стала почти абсолютной. А творчество... творчество – это штука чреватая. Можно такого натворить, что потом устанешь объясняться со следователем. Если ещё будет кому объясняться...

– Ладно, давай-ка за работу, – сказал Дед. – Я свою часть сделал, теперь твоя очередь. Сближайся и стыкуйся.

Витька только вздохнул, вывел на стекло режим сближения, взялся за сайдстик и принялся загонять маркер дока в конус заданной траектории.

Состыковавшись со станцией и проверив шлюз на герметичность, они высадили весело галдящих туристов, пожелав им хорошего времяпрепровождения на борту МКС-3. Инструктор уплыл вслед за ними, а Витька остался на челноке. Он не видел смысла в посещении этого улья с шарахаю-

щимися во всех направлениях космическими зеваками. После создания челноков, совершающих регулярные рейсы на орбиту и обратно, космический туризм из экстравагантной причуды сверхбогатых превратился в доходный бизнес. Ради этого Международную космическую станцию расширили и разделили на две зоны: рабочую и туристическую. И теперь очередь из желающих провести несколько дней в космосе растянулась на полгода, ведь по стоимости это было сравнимо с проживанием в президентском люксе. Да, недёшево, но вполне доступно обеспеченным людям. В высшем обществе даже стало модным воскликнуть: "Как, вы до сих пор ещё ни разу не побывали на МКС? Очень рекомендую! Это незабываемо."

Витька побывал на станции один раз, после чего потерял к ней всякий интерес. Поэтому свободные часы до обратного рейса предпочитал коротать на борту челнока, в тишине и покое, в одном из роскошных пассажирских кресел.

Он подключился к бортовой сети и лениво листал новости в ожидании Деда. Кстати, а что за книгу он так увлечённо читал сегодня весь полёт? Витька почувствовал, что его разбирает любопытство. И чем старательнее он пытался отвязаться от этой мысли, тем сильнее становился зуд. Наконец, устав бороться с самим собой, он отстегнулся от кресла и выплыл в тамбур, расположенный между пассажирским салоном и кабиной пилотов. Шлюз находился на потолке тамбура, и Витька повернул голову и прислушался. Вроде, никого.

Только приглушённые голоса вдалеке.

Витька быстро юркнул в кабину, проскользнул к левому креслу и достал книгу из кармана. Ничего себе! Он держал в руках не руководство по лётной эксплуатации и не справочник орбитальных манёвров. Николай Носов "Приключения Незнайки". Детская книга! Какого...

Но додумать он не успел. Сзади лязгнула дверь. Вот хекс! Второй прокол за день! Было уже бесполезно дёргаться и пытаться сунуть книгу на место. Проклятый Дед застукал его на месте преступления.

Витька покраснел, наверное, до самой печени и протянул книгу владельцу.

– А... да... внукам купил, – рассеянно сказал Дед и ловким, годами отработанным движением усадил себя в кресло. – Садись, поехали.

Витька с облегчением сунул книгу в карман на панели и ящерицей скользнул на свое место. Замки ремней щёлкнули почти одновременно.

– Почему так рано летим? – всё ещё до конца не веря в свою удачу, сменил он тему. – И где пассажиры?

– Пассажиры подождут, – руки инструктора деловито стучали по клавишам и тачскринам. – Сейчас летим на Шангшёнг, у них авария, нужно эвакуировать экипаж.

– Но у нас топлива только на обратную дорогу.

– Заправляться нет времени. Туда хватит, а там нам наполнят баки. Китайцы обещали.

Лязгнул, закрываясь, люк. Послышалось шипение: из шлюза откачивался воздух. Наконец раздался щелчок замков, и пружины стыковочного узла мягко оттолкнули челнок от станции.

Орбиты МКС-3 и Шангшёнга были разной высоты и наклонения, поэтому топлива на межорбитальные манёвры ушло много, и к моменту стыковки с китайской станцией в баках осталось такое ничтожное его количество, что у Витьки неприятно засосало под ложечкой. Однако, инструктор был невозмутим, и это слегка успокаивало.

На этот раз Дед пилотировал сам; он чётко вогнал стыковочный конус в шлюз станции, щёлкнули захваты, притягивая челнок, и у Витьки отлегло. Осталось забрать экипаж, перекачать топливо – и можно двигаться обратно на МКС. Зашипел воздух в шлюзе.

– Оставайся здесь, – бросил Дед, отстёгиваясь и вылетая в тамбур. – Будь начеку.

Из полуоткрытой двери слышался глухой стук открывшегося люка и голоса.

Китайцы сновали туда-сюда, перетаскивая на челнок какое-то оборудование и документацию, а Дед поторапливал их.

Несколько раз станция вздрагивала, и Витька чувствовал эти толчки, слышал как после каждого из них росло напряжение в голосе инструктора.

"Да что они там возятся, в самом-то деле!" – успел подумать Витька, как вдруг челнок вздрогнул, раздался скрежет и по сердцу резанул чей-то крик. В тамбуре что-то грохнуло об одну стенку, потом об другую; резкий рывок, челнок завертело, раздался треск рвущегося металла, загомонили китайцы, больно ударило по ушам декомпрессией; резко, как выстрел из пушки, хлопнул люк, и наконец всё стихло.

Челнок висел в километре от станции, кувыркающейся в спиральных замерзающего воздуха. Утечка из трещины в трубе, ещё несколько часов назад небольшая, всё увеличивалась, пока наконец трубу не разорвало пополам. Струя газа под давлением в несколько десятков атмосфер ударила наружу и закрутила станцию. Док, к которому был пристыкован челнок, не выдержал резкой нагрузки на изгиб. Металл лопнул, шлюз разгерметизировался, струёй воздуха подхватило и захлопнуло люк. Китайца, который в этот момент находился в переходном отсеке, выбросило в открытый космос. Дед же в это время держался за скобу люка. И тот, захлопываясь, вывихнул Деду запястье. А потом челнок, ещё не вполне оторвавшийся от станции, резко дёрнуло, и Дед, ударившись о переборку, сломал лучезапястную кость на другой руке.

Витька выскочил на крик, вместе с китайцами подхватил Деда, помог перенести его в пассажирский салон. И только убедившись, что тому больше ничего не угрожает, вернулся в кабину.

Челнок, зацепившись полуразорванным шлюзом за умирающую станцию, раскручивался вместе с нею всё быстрее с каждой минутой. Надо было срочно отстыковываться. Витька ввел команду, услышал как щелкнули замки, но челнок не отцепился, а продолжал вращаться. Изуродованный механизм заклинило. Терять было нечего, и Витька скомандовал аварийную расстыковку и ввёл код подтверждения. Грянули пироболты, и челнок, принеся в жертву станции весь свой шлюзовой отсек целиком, кувыркаясь, полетел прочь. Витька включил автоматическую стабилизацию и, дождавшись когда корабль прекратит вращение, увёл его в сторону.

Когда он появился в пассажирском салоне, Деду уже наложили пневмошину на предплечье, туго стянули эластичным бинтом запястье и вкололи обезболивающее.

– Спасибо, – кивнул Витька китайцам и взглянул на Деда. – Евгений Константинович, как вы?

– Ничего, как-то так, нормально, – ответил Дед. – А ты?

– Я? – и тут Витька почувствовал такую смертельную усталость, что если бы не невесомость, без сил рухнул бы в ближайшее кресло. Адреналин схлынул, и Витьку начал бить озноб. Его трясло и колотило, выгоняя из организма остатки стресса. Дрожь зарождалась где-то в груди, переходила в плечи и живот, корчила руки и ноги и уходила в пальцы. Снова и снова, волна за волной, из груди в разные стороны, как круги на воде.

– Это ничего, ничего, – говорил Дед. – Это бывает. Ребятки, пристегните-ка его.

Витька почувствовал, что его подхватили чьи-то руки, усадили в кресло, притянули ремнями. Но ему было всё равно. Он сжался в комок, дрожь сотрясала его, кресло под ним ходило ходуном и поскрипывало. Потом он почувствовал, что ему закатывают рукав, и увидел чью-то руку со шприцем.

– Не надо, – лязгая зубами, сказал он. – Не надо. Мне уже лучше.

Ему и правда стало легче, волны дрожи становились всё реже, сердце успокаивалось, он чувствовал покалывание в руках и ногах. Значит, живой, значит, нормально.

И тут – как удар – пришло осознание: не нормально! Ничего не нормально! Они на орбите, а топлива нет. Сердце на секунду остановилось и пустилось вскачь.

– Нет-нет-нет-нет-нет, – забормотал Витька. – Нет-нет-нет, не может быть.

Это не с ним. Это всё не с ним. Это всё с Дедом, с китайцами. Он – просто зритель. Он может встать и выйти из зала в любой момент. Это не с ним.

Это с ним!

Он умрёт.

Они все умрут. Они обречены. Кислорода хватит на пару суток. Эвакуировать их невозможно: шлюз остался на станции. Он сам его отстрелил десять минут назад. Заправить челнок невозможно: заправочный штуцер тоже остался на

станции вместе со шлюзом. Они умрут. Они точно умрут.

Витьке захотелось завывать, заорать в голос от своей беспомощности, от неотвратимости смерти, от леденящего ужаса. Пещерный страх овладевал им, ломая тонкий ледок цивилизованности, накатывал чёрными волнами, парализовал волю, туманил мозг. Остатками воли Витька смог заставить себя не заорать на весь корабль, а только застонать.

Ну почему, почему это именно с ним? Он мог бы заболеть и не полететь, челнок мог сломаться и не полететь. Наконец, к китайцам мог полететь кто-то ещё, а не они с Дедом. Чёртовы китайцы! Всё из-за них! Будь они прокляты со своей станцией!

Господи, что же делать? Что делать? Господи, если ты есть, спаси нас! Я не верил в тебя, Господи, но если ты есть... ты же всемогущий, что тебе стоит! Ну пожа-а-а-алуйста! Я... я всё что хочешь сделаю. Только верни нас на Землю, только оставь нас в живых! Я ведь даже ещё не пожил. У меня даже девушки вот так, по-серьёзному, не было. Я даже целовался-то всего пару раз! Господи, да я ничего ещё не успел! Ну пожалуйста, Господи...

Он даже не бормотал всё это, а просто жалобно поскуливал, сжавшись в комок и раскачиваясь в кресле. Откуда-то издалека, из другого мира, до него доносились слова:

– Виктор! Виктор! Курсант, отставить истерику! Подбери нюни! Ты домой хочешь или нет?

Витька медленно повернул голову. Его губы тряслись и

кривились.

– Какое "домой"? – тихо, шалея от внезапно накотившего бешенства, прошипел он. – Ну какое, к чертям собачьим, "домой"?! Мы на орбите! Без топлива!!! Мудак старый! Понимаешь ты это или нет! Без топлива!!!

Он сорвал голос и закашлялся.

– Я думал, ты мужик, – услышал он сквозь кашель. – А ты, оказывается, тоже... дитя Мадженты.

Виктор наконец совладал с кашлем и прохрипел:

– А что мы можем?

– Что мы можем? – спокойно спросил Дед. – Что мы можем... Ну, например, подумать.

– Нам же ж обязательно идти вниз по стандартной траектории, – втолковывал Витьке инструктор. Они оба уже сидели в кабине в своих креслах и искали пути к спасению. – Нам бы только зацепиться атмосферу. Чуть-чуть. Она нас притормозит. Мы, конечно, отскочим обратно в космос, ну уже на меньше скорости. И так и будем скакать, как плоский камешек по воде, понял? Пока не утонем. И тут главный вопрос: где? Где мы утонем? Чем больше раз отскочим, тем труднее предсказать. А вдруг над океаном? Поэтому нам лучше бы отскочить не больше одного раза. В идеале – вообще ни разу. Сразу утонуть. Но для этого нам надо нырнуть километров до восьмидесяти. Сколько у нас осталось топлива?

– Да почти нисколько, – буркнул Витька. – По прибору двести пятьдесят три килограмма.

– Двести пятьдесят три, – задумчиво повторил Евгений Константинович. – На какой высоте будет перигей³, если всё топливо использовать на тормозной импульс?

Витька минуту пощёлкал на навигаторе и сказал:

– Расчётный перигей на девяноста четырёх километрах.

– Высоко. Не удержимся в атмосфере. Вышвырнет, как котят, обратно в космос. А сколько осталось топлива в системе двигателей ориентации?

– Ещё почти сорок килограммов.

– Так, а теперь посмотри сколько нужно топлива в сумме, чтобы перигей оказался на восьмидесяти?

Витька опять пощёлкал клавишами и сказал:

– Двести семьдесят ровно.

– Ну, вот и отлично! Дотормозим двигателями ориентации. Оно и лучше, точнее получится. А двадцати оставшихся килограммов на стабилизацию нам хватит. Как-то так. Давай-ка свяжемся с Землёй, объясним ситуацию. Тем более, мы как раз над Восточным полушарием. Надень, пожалуйста на меня гарнитуру и понажимай за меня тангету.

– Королёв, ответьте Ромио Юнифом Два Три Элфа Сьерра.

– Два Три Элфа Сьерра, ответила.

– Королёв, передайте на МКС-3, боюсь, мы не сможем за-

---

³ Перигей – низшая точка орбиты.

брать с неё туристов.

– Два Три Элфа Сьерра, надеюсь, у вас веские основания, потому что это нарушит весь график посещения...

– Мы находимся около орбитальной станции Шангшёнг, – перебил диспетчера Дед. – Без топлива. Без шлюза. На борту пятеро эвакуированных со станции астронавтов. Шестой, к сожалению, погиб.

На том конце пришли в замешательство. Потом Витька уловил приглушённый разговор, как будто диспетчер прикрыла рукой микрофон. Дед невозмутимо ждал ответ.

– Два Три Элфа Сьерра, – раздался в наушниках мужской голос. Видимо, микрофон взял начальник смены. – Что намерены предпринять?

– Два Три Элфа Сьерра, у нас осталось около двухсот пятидесяти килограммов топлива, плюс около сорока килограммов в системе ориентации. Мы намерены спуститься до высоты восемьдесят километров и погасить скорость в верхних слоях атмосферы. Как-то так.

– Предполагаемая точка посадки?

– Пока сложно сказать.

– Хорошо, Два Три Элфа Сьерра, мы свяжемся с зарубежными коллегами. Держите нас в курсе событий.

– Непременно, Королёв, – сказал Дед и повернулся к Витьке.

– Ну что. Пришёл в себя немного?

– Да вроде... И вы это... Простите меня, что обозвал

вас... ну... этим...

– О, господи! – отмахнулся инструктор. – Нашёл о чем думать! Нам дело надо делать, а не грехи замаливать. Да простил, я тебя, простил. Ты ж не в себе был. Ну всё, проехали? За работу?

– За работу, – облегчённо улыбнулся Витька. – Евгений Константинович, а почему вы не сказали Земле, что ранены?

– Многие знания – многие печали, – вздохнул Дед. – Пусть живут безмятежно. Объяви, пожалуйста пассажирам, чтобы сели и пристегнулись.

Тормозной импульс они дали над Флоридой. По расчётам выходило, что пол-витка они будут снижаться в перигей, четверть витка гасить скорость в верхних слоях атмосферы, и наконец, ещё четверть витка – обычный управляемый спуск на мыс Канаверал. Почему Канаверал? Потому что космопортов, способных принимать аэрокосмические шаттлы, на всей Земле было всего три: Канаверал в США, Восточный в России и Вэньчан в Китае. Причем, в американском космопорте они могли приземлиться уже на следующем витке, а ждать, пока в зоне досягаемости окажутся российский или китайский космодромы, пришлось бы ещё шесть часов. Дед пока держался, но кто знает сколько он сможет продержаться ещё. Поэтому Канаверал. Американцы были предупреждены и готовили аэродром к приёму аварийного борта. Челнок же в это время неторопливо снижался над Средиземным мо-

рем. Витька уже сориентировал его по вектору скорости и с нетерпением поглядывал на альтиметр, на котором всё быстрее убывала высота.

– Ты ж не забудь перевернуться, – втолковывал ему пять минут назад Константиныч. – Тянуть будем не вверх, а вниз, всё наоборот. Поэтому и челнок должен быть вверх ногами. Понял?

И сейчас всё было вверх ногами. Над головой висела огромная Земля, вся в хлопьях облачной пены, розовой в закатном солнце, а внизу была чёрная пропасть космоса, утыканная остриями звезд. Зрелище было непривычным, захватывающим, и Витька даже не сразу обратил внимание на то, что их корабль начал "вилять хвостом". Значит, аэродинамические поверхности уже нащупали жиденькую на такой высоте атмосферу, и челнок стабилизируется по потоку.

Витька взглянул на альтиметр. Девяносто пять километров, девяносто, восемьдесят восемь, восемьдесят шесть, восемьдесят пять, восемьдесят четыре... И всё, цифры замерли. А потом начали возрастать.

– Чего сидишь? – рявкнул Дед. – Сейчас унесёт обратно!

Витька спохватился и потянул сайдстик на себя. Ускорение ушло почти в ноль, но высота по метру, по два продолжала возрастать. Витька балансировал на предельных углах атаки, но неумолимая центробежная сила медленно, но верно тащила их обратно вверх, на орбиту.

Витька потянулся к рукояти двигателей малой тяги – до-

тормозить, но Дед, зорко следящий за всем, каркнул:

– Не смей! Я не хочу остаться без топлива и в следующий раз войти в атмосферу боком! Да и поздно уже... Не поможет.

Они оба с тоской следили за альтиметром, цифры на котором мелькали всё быстрее. Они ошиблись.

Их выбросило на высоту сто двадцать семь километров, а потом они начали снижаться обратно. Это было над Центральной Америкой. Во второй раз на высоте восемьдесят километров они оказались над Восточным побережьем. Мыс остался далеко позади, впереди была Атлантика. Они падали в океан.

На север от их линии пути лежали Гренландия и Исландия и, совершив манёвр в стратосфере, они могли бы достичь этих островов. Достичь могли бы, а приземлиться – нет. В Гренландии просто не было взлётно-посадочных полос нужной длины. В Исландии был аэропорт Кефлавик с его почти четырехкилометровой полосой, но с севера шел мощный холодный фронт со штормовым ветром и грозами, и он уже накрыл Исландию целиком. Кефлавик ещё два часа назад закрылся по нелётной погоде. Так что или они смогут дотянуть до Британии или... при посадке на воду на четырёх сотнях километров в час остаются только фрагменты тел и конструкции...

Они потом увидели этот фронт. Штормовой вал тянулся

на тысячи километров. Они летели вдоль него, и, казалось, ему не будет конца и края. В его авангарде выперлись в стратосферу башни грозových облаков, под ними бугрилась и пучилась неровная облачная масса, внутри неё зловеще сверкало. Витьку опять начало потряхивать.

– Ну, что будем делать? – наконец не выдержал он. – Похоже, до Британии мы не долетаем.

Он ткнул пальцем в экран, показывающий достижимость земной поверхности из текущего положения. Ближайшая к ним точка Европы, Британия, находилась в жёлтой зоне, даже ближе к красной. Это значило "фифти-фифти, хотя скорее нет, чем да".

– Может, всё же Кефлавик? Он ближе, и, может быть, к тому времени, как мы долетим, там распогодится? – с надеждой спросил Витька.

– Не распогодится, – сварливо ответил Дед. – А садиться в гражданском аэропорту без посадочной системы в шторм – это ты молод ещё, уж извини. Не справишься.

– Почему это без посадочной системы? – возмутился Витька. – Вы что, думаете, в международном аэропорту её может не быть? – он постарался вложить в вопрос весь накопившийся сарказм. Дед опять начинал его подбешивать.

– Ну конечно же, она там есть, – ответил Дед. – С наклоном глиссады⁴ три градуса. А мы, с нашим аэродинамическим качеством утюга, да без двигателей, будем садиться под

---

⁴ Глиссада – заданная траектория снижения летательного аппарата.

углом около семи. Сильно она тебе поможет?

Витька почувствовал, как кровь ударила в уши. Хорошо, что на нем гарнитура, не видно.

– В общем, я за то, чтобы садиться в Хитром, – продолжал Дед. – До него фронт ещё не добрался, и полоса там три девятьсот. Впритык, но должно хватить. Правда, улей там тот ещё, но что поделаешь. Придется кое-кому подвинуться и пропустить вперед пассажиров с детьми и инвалидов...

– В Хитром? – переспросил Витька, стараясь не показать виду, что его задел дедов сарказм.

– В Хитроу. Я думал, ты догадаешься. А насчет этого, – он кивнул на экран с картой достижимости поверхности планеты, – ты особо не переживай. Обычно система выводит самый пессимистичный прогноз, который потом постоянно уточняется в большую сторону. Скоро сам убедишься. А сейчас нам бы связаться с Королёвом.

– Пока не можем, ионизация...

– Да сам вижу.

Высота была уже около сорока километров, но скорость ещё оставалась высокой, чуть больше десяти Махов, и воздух вокруг корабля ещё пылал остаточным жаром, не пропуская радиоволны.

Несколько минут прошло в молчании. И первым опять не выдержал Витька.

– Евгений Константинович, а где вы такой раритет откопали? Я про книгу.

– Так на барахолке ж. Сегодня, по дороге в космопорт.

– А зачем? Ведь есть куча сервисов с электронными, с аудиокнигами...

– Тебе пока не понять, – усмехнулся Дед. – Вот будут у тебя дети – сам узнаешь какая разница между электронной книгой на гаджете и настоящей, бумажной, с картинками. Это ж вещь!

– Что, и читаете будто бы сами?

– А как же, конечно. Ребёнку не эти ваши умные колонки с Алисой нужны. А дед, понимаешь? Который посадит тебя на колени и почитает тебе вслух. Как-то так.

Витька усмехнулся, но вдруг почувствовал лёгкую пустоту внутри. Где-то там, в том самом уголочке души, в котором должен быть кто-то, кто почитает тебе вслух. Это было странно. Раньше там не было этой пустоты. Вернее, до этого момента Витька даже не догадывался о существовании этого уголка. Он рос без отца, а матери, вечно замотанной работой и домашними хлопотами, было не до чтений...

– Связь, – ворвался в раздумья голос Деда. – Связь появилась. Надень, пожалуйста, на меня гарнитуру.

– Королёв, это Два Три Элфа Сьерра, ответьте.

– Два Три Элфа Сьерра, ну наконец-то! – раздалось в наушниках. – Мы тут уже не знаем что и думать. Как обстановка, где вы?

– Всё в порядке. Атмосферный манёвр не удался, нас унесло опять на орбиту. После этого вошли повторно, сей-

час снижаемся к побережью Великобритании. Планируем посадку в аэропорту Хитроу в двадцать пять минут текущего часа.

– Два Три, всё поняли, сейчас свяжемся с британскими коллегами, а они – с управлением воздушным движением. Ждём вас на земле, удачи!

– Спасибо, Королёв, конец связи.

Константиныч вздохнул и повернулся к Витьке.

– Установи, пожалуйста, на радио аварийную частоту, а на транспондере аварийный код. Диспетчера должны нас видеть.

Витька пощёлкал клавишами, и на экране транспондера красным загорелись цифры "7700".

Через несколько минут их вызвал диспетчер.

– Ромио Юнифом Два Три Элфа Сьерра, здесь Лондон-контроль. Мы в курсе вашей ситуации, видим вас на радаре. Готовим аэропорт к приёму вашего борта. Предупреждаем, что в течение получаса ожидается резкое ухудшение погоды, ливневые осадки, ветер с порывами до двадцати пяти метров в секунду.

– Лондон-контроль, постараемся успеть.

– Ждём вас. Удачи!

Витька тем временем рассматривал карту долёта. Дед был прав, прогноз уточнялся, зона неопределенности жёлтого цвета худела, становилась всё тоньше, и Хитроу потихоньку отползал от красной границы, был уже где-то посередине.

Но всё равно это не гарантированный долёт, а пятьдесят на пятьдесят...

Высота была уже тридцать километров, скорость шесть махов, удаление от аэропорта около пятисот километров.

– Давай задержимся на тридцати, – предложил Константиныч. – Надо сбросить скорость. Витька послушно включил режим удержания высоты и вновь взглянул на карту долёта. Хитроу медленно полз вниз, к зелёной зоне. Прав был Дед, прав! Долёт уточнялся в большую сторону. И буквально через пятнадцать минут они будут на земле! Только бы успеть... Витька опасливо покосился на клубящиеся слева сизые тучи.

Скорость уже подходила к двум махам, Витька отключил режим удержания высоты, и направил аппарат вниз. Так, что там с долётом? Хитроу так и не дополз до края зелёной зоны и остановился в нерешительности. А потом – да нет, наверное, показалось... Не показалось! – двинулся в обратную сторону!

– Евгений Константинович! – в отчаянии крикнул Витька и ткнул пальцем в экран. Дед несколько секунд смотрел на него, а потом спокойно сказал:

– Встречный ветер.

– И что теперь делать?

– Пока не знаю... Снижайся, посмотрим. Может, ниже ветер поменяется.

Они продолжали снижаться – а что им ещё оставалось? –

неотрывно следя за экраном долёта. Компьютер каждую секунду уточнял прогноз, учитывая все поступающие с датчиков данные; жёлтая зона стала уже совсем тонкой, и метка аэропорта всё быстрее скользила по ней к границе с красной.

– Эх, всего-то несколько километров не долетаем! – с досадой крикнул Константиныч. – Но не долетаем. Видимо, делать нечего, надо отворачивать, пока мы никого не убили... Стой, куда?!

Витька заложил левый вираж.

– Куда ты? Вправо, вправо же!

– Успеем мы вправо. Сначала хочу кое-что попробовать, – ответил Витька. Он вывел аппарат к самому краю туч и направил его вдоль фронта.

Маркер аэропорта на карте продолжал двигаться к красной зоне, но всё медленнее и медленнее. Наконец он остановился, как бы раздумывая, а потом сперва медленно, а потом всё быстрее и увереннее устремился в противоположную сторону. Через полминуты он уже пересёк черту и оказался в зелёной зоне.

– Восходящий поток перед грозовым фронтом! – восхищённо сказал Константиныч. – Как же ты догадался-то?

– На лекции по аэрологии рассказывали... запомнил... – Виктор, не отрываясь, следил за картой, и только краем глаза косился наружу, контролируя полёт.

– Два Три Элфа Сьерра, – раздалось в наушниках. – Ваше удаление пятьдесят миль. Дальше с вами будет работать Хит-

роу-Подход. Оставайтесь на этой же частоте. Удачной посадки!

И не успели они поблагодарить и попрощаться, как в наушники ворвался новый голос:

– Два Три Элфа Сьерра, с вами Хитроу-подход, и у меня для вас плохие новости, ребята. Только что прошел шквал, и на нас упали первые капли. Аэропорт закрывается, но вас мы примем. Правда, лично я вам не завидую, посадка будет не из лёгких. Зато я теперь весь в вашем распоряжении!

– Не нравится мне этот оптимизм, – пробормотал Дед, – Хитроу-подход, Два Три Элфа Сьерра, спасибо, информацию приняли, готовимся к посадке. Давление на высоте аэродрома?

– Давление один ноль один пять, но быстро меняется. Я уточню на посадочной прямой.

– Один ноль один пять установили, – сказал Константиныч и сделал Витьке страшные глаза. Тот понял намёк и быстренько установил давление на приборе.

– Курсо-глиссадной системой⁵ воспользоваться не сможем, просим контроль вертикального профиля по радару. Угол снижения будет около семи градусов. Точнее сказать, к сожалению, не можем.

– Понял вас, Два Три, – отозвался диспетчер. – Контроль

---

⁵ Курсо-глиссадная система – система, служащая для точного захода на посадку летательных аппаратов. Может использоваться для полуавтоматической или автоматической посадки.

по радару обеспечим. Внимание! Вы подходите к посадочной прямой. Поворачивайте влево на курс девяносто, продолжайте снижение. Частота привода сто десять точка тридцать.

– Курс девяносто, частота сто десять точка тридцать, – эхом отозвался Константиныч, а Витька, на этот раз уже не дожидаясь команды, мгновенно настучал частоту на клавиатуре.

Сразу после этого на экране появились специальные метки – директора, указывающие куда рулить, чтобы попасть на полосу.

– Ну, давай. С богом! – сказал Константиныч, и Витька взялся за сайдстик. В ручном режиме Витька сажал корабль всего пару раз на тренажёре, и теперь некоторое время приноравливался держать директора в центре, но вскоре дело пошло на лад.

Теперь, после поворота, тучи уже не проплывали сбоку, а стояли перед носом стеной, загораживая дорогу к аэропорту. Корабль с разгона вонзился в эту стену.

В кабине мгновенно потемнело, и только Витька потянулся к панели, чтобы включить подсветку, как из-под него выдернули кресло. Ремни больно впились в тело и дёрнули вниз. С Деда сорвало очки и они, врезавшись в потолок, брызнули стеклами во все стороны.

Витька хотел заорать от ужаса и не смог – перехватило дыхание. Потом кто-то очень большой и очень сильный на-

поддал снизу так, что хрустнул позвоночник, а перед глазами поплыли разноцветные круги. Ещё рывок. Ещё.

Их швыряло как котят в картонной коробке. Мощь разыгравшейся стихии была настолько невероятна, настолько превосходила всё, что мог представить себе человеческий мозг, что на Витьку во второй раз за прошедшие сутки накатил неконтролируемый первобытный ужас. «Кто в море не хаживал – тот богу не маливался!» – мелькнуло в голове.

– Держись! – сквозь рёв стихии пробивался голос Константина. – Скоро будет легче!

И действительно, через пару минут, показавшихся Виктору часами, рывки стали не такими свирепыми. Автоматика тоже не дремала, пытаясь парировать броски и дать людям возможность хоть как-то управлять своим аппаратом в этом аду. Слева сверкнуло, Витьке со страху показалось, что совсем рядом, буквально в сотне шагов. Он взвизгнул, больше от неожиданности, чем от страха и вильнул вправо.

– Два три, дальше работайте с Башней, – раздался голос диспетчера. – Оставайтесь на той же частоте. Мягкой посадки и храни вас бог!

В стекло грянул заряд дроби. Витька зажмурился. Дождь, – понял он. Гроыхнуло где-то рядом. Кажется, позади.

– Ты управлять-то собираешься сегодня или нет? – услышал он слева.

– Два Три, это Башня, – раздалось в наушниках. – Вы вы-

ше глиссады, увеличьте скорость снижения!

Чтоб вы все сдохли! Помереть спокойно не дадут! Виктор стиснул зубы и сконцентрировался на директорах. Сейчас всё в его руках. И никто ему не поможет, ни Константиныч, ни автоматика. Сам, всё сам!

Витька наклонил нос челнока вниз. Нырнули. Пошла почти горизонтальная скорость.

– Удаление десять миль, высота семь тысяч шестьсот футов. В глиссаде!

Чёртов британец со своей имперской системой! Сколько это в метрах и километрах? А впрочем, не всё ли равно! Главное – в глиссаде! Скорость растёт, растёт скорость. Надо гасить. Стараясь в этой свистопляске держать директора, он протянул руку и потянул рукоять выпуска воздушных тормозов, косясь на спидометр. Вот так, ещё немного... ещё... Скорость вернулась в норму.

– Пять миль, на курсе, на глиссаде. У вас великовата скорость. Рекомендую снизить.

– Если снизим – упадём! – стараясь не лязгать зубами, заорал Виктор. – Это наша нормальная скорость, привыкайте!

На том конце уважительно заткнулись.

– Две мили, ниже глиссады на триста футов!

Витька потянул сайдстик на себя, возвращая челнок на расчётную траекторию. Вокруг всё сверкало и гремело, залпами прилетал в лобовое стекло дождь.

– Шасси! – услышал Виктор. – Шасси выпускай!

Хекс, и как он мог забыть! Он дёрнул ручку выпуска, и... ничего не произошло! Шасси не выпускались!

– Полторы мили, на курсе на глиссаде. У вас падает скорость!

Витька автоматически глянул на спидометр: да, скорость уже приближалась к четырёмстам километрам в час, и продолжала падать. Сейчас свалимся... а впрочем, какая разница... шасси не вышли...

Ну как же так?! Столько вынести, столько пережить, бороться до конца и гробануться на самом финише из-за технического отказа! Виктор закрыл глаза и отпустил сайдстик. Теперь всё было неважно.

– Виктор! Ты чего? Виктор! – донеслось слева.

– Всё, Евгений Константинович, – на Виктора навалилась вся усталость прошедших суток, придавила к креслу десятикратной перегрузкой. – Шасси не вышли.

– Да как не вышли?! Зелёные горят!

Витька распахнул глаза: на панели ровным зелёным цветом горели три индикатора. Шасси вышли и встали на замки.

И тут Витька понял. Для него сигналом выпуска шасси всегда были шум и вибрация от завихрений воздуха. Сейчас он их не слышал и не почувствовал, потому что их и так было с избытком. А шасси-то вышли!

– Два Три, выше глиссады! Теряете скорость!

Виктор встрепенулся и направил нос челнока вниз. Но скорость росла очень медленно, корабль начал раскачивать-

ся и вяло реагировал на рули.

– Тормоза, – подсказал Константиныч. – Убери тормоза.

Витька мысленно хлопнул себя по лбу и толкнул рычаг тормозов на уборку. Скорость стала нарастать.

– Удаление одна миля, высота семьсот пятьдесят. На курсе, на глиссаде.

Вот и всё. Момент истины.

– Пятьсот.

– Тормоза, – напомнил Константиныч.

– Триста.

– Двести.

– Сто.

– Выравнивай! – каркнул Константиныч.

Сквозь клочья тумана и струи дождя, летящие прямо ему в лицо, Виктор разглядел приближающиеся снизу огни полосы... они приближались очень быстро. Слишком быстро! Он рванул сайдстик на себя.

– Куда?! Куда так резко?! – крикнул Константиныч. – Держи! Теперь держи!

Корабль повис в нескольких метрах над мокрым бетоном. Его швыряло с крыла на крыло, но он продолжал лететь. Под ним мелькали и уходили назад огни и посадочные знаки. Перелёт, ах, какой же перелёт! А полоса ж и так короткая, на пределе! Выкатимся! Хекс, выкатимся же!

Боковым зрением Виктор уловил резкое движение слева от себя, и через секунду челнок как будто багром зацепили

за хвост. Он резко затормозился и тяжело, косо, по-вороньи шмякнулся на полосу. Виктор опустил переднюю стойку и наконец-то смог повернуть голову. Константиныч шипел и скалил зубы от боли, но рукоять тормозного парашюта была вытянута.

Шаттл, замедляясь, бежал по полосе. Когда скорость упала до двухсот, Виктор обжал тормозные педали. И всё равно полосы не хватало. На залитом дождем стекле уже заплясали красные кляксы торцевых огней. Они быстро приближались. А за ними была пугающая пустота.

– Вправо на Элфа Один, – раздалось в наушниках. Диспетчер! Он следил. Он подсказывал.

Витька взгляделся и сквозь дождь увидел цепочку зелёных огоньков, уходящих вправо перед самым торцом. Он нажал на педаль – челнок шарахнулся к левой обочине. Теперь правая педаль, вот так вот, аккуратно... – и шаттл с визгом покрышек метнулся вправо, на спасительную рулѐжку⁶, как нарочно, как специально для них отходившую под углом вправо перед самым торцом.

Через пару сотен метров они наконец встали, и наступила оглушительная, невозможная тишина. Такая тишина, что было слышно как дождь глухо барабанит по стѐклам и по обшивке.

– Башня, – сказал Виктор. – На Элфа Один. Нужен буксир.

---

⁶ Рулѐжка (жарг.) – рулѐжная дорожка, по которой летательные аппараты выезжают на взлѐтно-посадочную полосу и съезжают с неё после посадки.

И врач.

И повернувшись к своему инструктору, сказал:

– Как-то так...

Ромыч после этого случая обзавидовался Витьке чёрной завистью. Несколько недель приставал: расскажи, да расскажи. Но Витька только жал плечами: Да что тут рассказывать? Слетали и вернулись.

Дед после этого полёта сильно сдал, и больше уже не летал, ушел на пенсию. Стажировку Виктор продолжал с другим инструктором, и больше конфликтов в экипаже не возникало. Наоборот, по окончании положенных пятисот часов он получил высшие баллы и самую лестную характеристику. Но, заработав всё это, зачем-то стал пропадать на тренажёре. И уже через год освоил «крученный в угол» и некоторые другие хитрые приёмчики, которым научил его Константиныч. Пилотировать он предпочитал руками, автоматикой пользовался по минимуму. И, став через пять лет пилотом-инструктором, требовал того же от своих стажёров, приговаривая: «Как летает автомат я и сам знаю. А вот что ты за птица – это мы сейчас посмотрим». Он знал, что молодёжь недолюбливает его за это. Знал, но лишь снисходительно усмехался про себя.